

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**А.П. Скафтымов: исследовательские подходы к прочтению
чеховской «Чайки»**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 412 группы
направления Филология, 42.03.02

Института филологии и журналистики

Кулагиной Анастасии Сергеевны
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель

Доцент

должность, уч. степень, уч. звание

Зав. кафедрой

зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

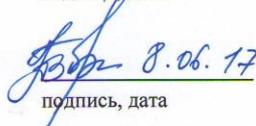
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Н.В. Новикова

инициалы, фамилия

подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2017 год

ВВЕДЕНИЕ. В конце 40-х годов из-под пера А.П. Скафтымова выходит несколько статей («О единстве формы и содержания в «Вишнёвом саде» А.П. Чехова»; «Пьеса Чехова «Иванов» в ранних редакциях»; «К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова»), в которых чувствуется иной взгляд на чеховские пьесы и произведения. Эти работы являют собой методологически оформленные, итоговые размышления исследователя, занимающие его с середины 1920-х годов¹. Освоение чеховского творчества нашло отражение в незаконченных статьях, в отрывочных записях, неоформленных фрагментах. Всё это указывает на непрерывные духовные интенции Александра Павловича Скафтымова, направленные на постижение чеховской поэтики, особого понимания жизни, психологизма.

До недавнего времени большая часть рукописного наследия А. П. Скафтымова, посвящённого изучению «Чайки», оставалась неопубликованной. Настоящая квалификационная работа – один из шагов в изучении скафтымовского рукописного наследия, поэтому **актуальность** данной работы очевидна.

В основу нашего исследования положена неоконченная статья Александра Павловича Скафтымова ««Чайка» среди повестей и рассказов Чехова», увидевшая свет в полном объёме лишь в 2015 году² и содержащая нетривиальный подход саратовского учёного к изучению чеховской пьесы.

До А.П. Скафтымова никто не рассматривал «Чайку» не только через призму чеховской прозы, но и в тесном соотношении с ней. Констатируя это, мы тем самым оттеняем **новизну** предлагаемой работы. Несмотря на то, что в ««Чайке» среди повестей и рассказов Чехова» отразились основополагающие

1 Новикова, Н.В. «Чайка» в черновых записях А.П. Скафтымова // Наследие А.П. Скафтымова и поэтика чеховской драматургии: Материалы Первых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 16-18 октября 2013 г.): Коллективная монография. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2014. – С. 21.

2 Новикова, Н.В. Из рукописей А.П. Скафтымова: «Чайка» среди повестей и рассказов Чехова / Н.В. Новикова // Наследие А.П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы: Материалы Вторых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 7-9 октября 2014 г.): Коллективная монография / редкол.: В.В. Гульченко (гл.ред.) [и др.]. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2015. – С. 28 - 48.

суждения исследователя, с которыми он подходит к осмыслению творчества А.П. Чехова, о незавершённости исследовательского труда может свидетельствовать план намеченной им дальнейшей работы.

Готовая, казалось бы, статья заканчивается неожиданной припиской: «Переделать: дать не в хронологии, а в системе»³. Далее следует схематический набросок этой «системы», состоящий из перечня чеховских рассказов и повестей, распределённых на четыре группы, только у одной из них – у третьей - есть тематическое название: «Любовь».

Цель нашей работы – рассмотреть исследовательские подходы А.П. Скафтымова к прочтению чеховской «Чайки».

Задачи исследования:

1. Изучить суждения о «Чайке» во всех статьях учёного, так или иначе касающихся мелиховской пьесы или специально ей посвящённых.
2. Произвести анализ произведений, включённых А.П. Скафтымовым в прозаический контекст «Чайки», но не рассмотренных им самим.
3. Определить назначение и особенности скафтымовской «системы», создающей контекст «Чайки».

«Чайка» по-прежнему остаётся в центре внимания чеховедов. Посильный вклад в её осмысление стремимся сделать и мы. Выпускная квалификационная работа состоит из Введения, двух глав («Чайка» глазами А. П. Скафтымова и Рассказы и повести А. П. Чехова как контекст «Чайки»), Заключения и Списка использованной литературы, состоящего из 3 позиций.

³ Там же. – С. 48.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ЧАЙКА» ГЛАЗАМИ А.П. СКАФТЫМОВА. В этой главе нами были рассмотрены следующие исследования А.П. Скафтымова: «О единстве формы и содержания в «Вишнёвом саде» А.П. Чехова»; «Пьеса Чехова «Иванов» в ранних редакциях»; «К вопросу и принципам построения пьес А.П. Чехова»; «Драмы Чехова»; «< «О Чайке»>»; «Чайка» среди повестей и рассказов А.П. Чехова»; «Чайка» среди повестей и рассказов А.П. Чехова (Подготовительные материалы)».

А. П. Чехов, по мнению исследователя, обращается к внутреннему миру своих героев, изображая их «субъективно-интимное состояние» и то, как оно воспринимается окружающими людьми. Причину же эмоционального, нравственного расхождения и душевного одиночества писатель видит в самом «сложении жизни», при котором иной исход не возможен.

А. П. Скафтымов улавливает особенность внутреннего невысказанного переживания героев пьесы: «то, что внутренне для каждого является наиболее дорогим и важным, оказывается лишним, никому не нужным и неосуществлённым»⁴. По словам исследователя, этот душевный конфликт изображается писателем как принадлежность повседневной бытовой жизни, в которой соединяется прошлое и настоящее, показывая тем самым тянущееся печальное состояние, которое и составляет «горечь жизни» каждого из персонажей.

У А. П. Чехова быт стал основной сферой жизненной драмы, то есть прямым объектом изображения. Следовательно, замечает А. П. Скафтымов, в основе чеховских пьес лежит особый конфликт. В чеховских драмах нет активного злого умысла, зло находится вне людской воли, в самом «сложении жизни» (тема невольной вины). Учёный определяет содержательную сторону

⁴ Скафтымов, А.П. О единстве формы и содержания в «Вишнёвом саде» А.П. Чехова // Скафтымов А. П. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Самара: Изд-во «Век # 21», 2008. С. 389.

конфликта как «несоответствие между тем, что человек имеет и к чему стремится»⁵.

Антон Чехов изображает не сам момент разочарования, а время, когда горе стало неотъемлемой постоянной частью человеческой души. Именно этим, по мысли А. П. Скафтымова, объясняется наличие в пьесах множества драматических линий, обилие тематических разрывов и интонационных изломов: обыкновенная жизнь идёт, как есть, а в это время внутри каждого происходит непрерывная драма.

А. П. Скафтымов считал, что «Чайка» - первая пьеса, в которой специфически-чеховские драматургические черты проявились во всей полноте. Любовная тема, на которой сосредотачивает своё внимание А. П. Скафтымов, так же носит в себе мотивы разочарованности, одиночества и неудовлетворённости. В «Чайке» речь идёт о счастливых и несчастных людях. Чеховские персонажи мечтают о применении каких-то высших духовных сил, о некоем высшем духовном счастье, нежели они имеют и наблюдают в повседневной жизни. Тем не менее, обозначая «поэтические желания» персонажей, А. П. Чехов не даёт точных ориентиров, в какой сфере они лежат: «Люди говорят и тоскуют о счастье, но о каком счастье, в каком содержании мыслится оно, - это остаётся невысказанным»⁶.

А. П. Чехов, по мнению учёного, не видит для своего поколения возможных путей к светлому будущему. В своих пьесах автор подчёркивает массовость и распространённость этого трагичного мироощущения.

Опубликованная недавно в полном объёме статья «"Чайка" среди повестей и рассказов А. П. Чехова» лишний раз доказывает, что А. П. Скафтымов видел неразрывную связь между прозой и драматургией любимого писателя. Начиная с юмористических рассказов («Мелюзга», 1885), «грустные

⁵ Скафтымов, А.П. К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова // А.П. Скафтымов. Собрание сочинений: в 3 т. Самара: Изд-во «Век#21», 2008. Т 3. С. 463.

⁶ Там же. – С. 475.

чеховские мысли о жизни получают явственное выражение»⁷, а с 1886 года становятся преобладающей темой его произведений. Исходя из своих наблюдений, исследователь заключает, что конструкция подобных рассказов имеет внутренне однородные элементы:

То есть человек, по словам А. П. Скафтымова, «внутренне живёт не тем, что у него есть, а тем, чего у него нет»⁸. Это положение составляет, по мнению учёного, суть конфликта – то, что человек имеет при неустроенности и грубости жизни и при своей «моральной недостаточности», и то, что он «хотел бы иметь для себя хорошего, светлого, просторного и открытого для чистых чувств»⁹. Накладываясь друг на друга, эти противоречия соединяются с мыслью о «далёкости и неосуществимости взволновавшей мечты»¹⁰.

Исследователем велась не прекращающаяся на протяжении длительного времени кропотливая, трудоёмкая работа по детальному и вместе с тем – целостному изучению не только драматургии А. П. Чехова, но и, благодаря рассмотрению «чайкинского» контекста, - всего его художественного мира.

7 Новикова, Н.В. Из рукописей А.П. Скафтымова: «Чайка» среди повестей и рассказов Чехова / Н.В. Новикова // Наследие А.П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы: Материалы Вторых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 7-9 октября 2014 г.): Коллективная монография / редкол.: В.В. Гульченко (гл.ред.) [и др.]. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2015. – С. 38.

8 Там же. – С. 44.

9 Там же. – С. 47.

10 Там же. – С. 47.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА КАК КОНТЕКСТ «ЧАЙКИ». Чем мотивируется исследовательское желание пересмотреть результаты проделанной работы, чем они его не удовлетворяют? Чем объясняется новая организация материала, в чём её преимущество по сравнению с предыдущей? В этой главе мы попытаемся ответить на эти вопросы, для чего постараемся подробно рассмотреть каждое произведение, указанное в «системе», сосредоточиться на выявлении особенностей чеховской поэтики, позволяющих говорить о сопричастности мотивного и образного содержания в драматургии и прозе.

Произведения, вошедшие в первую группу: «Мелюзга», «Муж», «Мечты», «Почта», «Ванька», «Гусев», «Бабы» и «В ссылке». Неизбывное чувство одиночества, мечта о счастье, авторская мысль о бесприютности, заброшенности человека в мире, о разобщённости между людьми и о несбыточности светлых надежд, о невозможности счастья, поскольку таково «сложение жизни» - вот что, по мнению исследователя, пронизывает разнородные сюжеты чеховской прозы, ничего общего, на первый взгляд, не имеющие, вот что расценивается им как специфически концептуальные приметы контекста, связующего эту прозу с мелиховской пьесой.

Герои остаются одинокими в собственном несчастье. Мотив одиночества пронизывает и объединяет все произведения, включённые в данную «систему». У каждого героя своё представление о счастье, разделить или понять которое другим не представляется возможным в тех условиях жизни, в которые помещены герои. Окружающая их среда накладывает отпечаток на людей, заставляя «невыразимое» оставлять невысказанным и забытым.

Вторая группа «системы» включает рассказы «Счастье», «Красавицы», «Дом с мезонином» и повесть «Степь». Мотивы одиночества, бессильного порыва к счастью, томление по лучшей жизни приобретают, на наш взгляд, более глубокое художественное осмысление и исследовательское прочтение.

Повесть «Степь» (1888), несомненно, этапное произведение в творческой судьбе Антона Павловича Чехова. Исследователь обращает своё и наше

внимание на тоскующую сторону этого произведения, находит в героях продолжение ранее начатой Чеховым темы - неустроенности человеческой жизни и томления по лучшей, недоступной ее стороне.

По мысли исследователя, «на фоне серой обыденности дан просвет, открывающий в самых разных людях томящие желания счастья, какого они не имеют»¹¹. В чём видится каждому из героев счастье, остаётся неизвестным. «Ответ, - считает исследователь, - даётся лишь эмоциональной краской охватившего всех порыва»¹² (о «Красавицах»). И мы понимаем, что герой тоскует по чистоте, искренности, которые с течением времени он утратил, по простой радости, не омрачённой тяготами жизни. Неустроенность суровой повседневной жизни и собственная «моральная недостаточность» героя вступают в неразрешимое противоречие с тем, что человек «хотел бы для себя иметь хорошего, светлого, просторного и открытого для чистых чувств»¹³. Соединяясь, два противоречия, по мысли исследователя, делают мечту недостижимой и далёкой.

Рассказы третьей группы («Егерь», «Шуточка», «Верочка», «Поцелуй», «Рассказ госпожи NN», «Бабье царство», «Три года»), объединённые под общим названием «Любовь», имеют внутригрупповую парадигму развития данной темы. А. П. Скафтымов выстраивает эту цепочку, начиная с самого раннего рассказа «Егерь» (1885), внимание в котором А. П. Чехов уделяет простым людям из крестьянского сословия. Замыкают группу произведения, повествующие о жизни и переживаниях интеллигенции. Главное, что усложняется внутреннее отношение человека к любви. Чехов рассматривает разные ситуации, где любовь недоступна человеку, остаётся лишь его страстной мечтой, но в силу каких-то обстоятельств не присутствует в его жизни.

11 Новикова, Н.В. Из рукописей А.П. Скафтымова... – С. 47.

12 Там же. – С. 47.

13 Там же. – С. 47.

В четвёртую группу исследователь включает только два произведения: повесть «Скучная история (Из записок старого человека)» (1889) и рассказ «Чёрный монах» (1894). Поиск некой идеи, общего одухотворяющего смысла сближает эти рассказы. Не зря в черновых материалах к статье «"Чайка" среди повестей и рассказов А. П. Чехова» А. П. Скафтымов, обнаруживая ещё одну сторону мелиховской пьесы – тоску по идее, намечает себе: «Сравнить "Скучная история". "Чёрный монах"»¹⁴. Зная это, неудивительно, что в «системе» контекста «Чайки» эти два произведения находятся в одной группе. Отметим ещё и то, что Антон Чехов, как отмечает исследователь в своих статьях о творческом наследии писателя, считает важным умение перетерпеть жизненные страдания ради высшей надындивидуальной цели. Общность этих произведений как раз и заключается в том, что герои не нашли её либо уже утратили.

Но А. П. Чехов показывает и их несостоятельность перед жизнью, тем самым говоря, что ни материальное благополучие, ни уважение со стороны других, никакие регалии и заслуги не способны привнести гармонию и наполненность в человеческую душу, если она не наделена сердечным теплом и искренней, бескорыстной любовью к самым близким.

Как верно заметил Александр Павлович Скафтымов, чеховской «Чайке» присуще те же черты. Невозможно говорить о пьесе, не упоминая, о цепочке безответных чувств героев друг к другу. Природу любви, её особое место в жизни человека и значимость изображает А.П. Чехов на страницах данных произведений. В четвёртой, замыкающей, группе исследователем объединены «Скучная история» и «Чёрный монах», так как в них он обнаружил общую

14 Скафтымов, А.П. «Чайка» среди повестей и рассказов А.П. Чехова (подготовительные материалы) Публикация, вступительная статья, примечания Н.В. Новиковой /А.П. Скафтымов // «Чайка». Продолжение полёта. По материалам Третьих международных Скафтымовский чтений «Пьеса А.П. Чехова "Чайка"» в контексте современного искусства и литературы» - к 120-летию со дня написания и 125-летию со дня рождения А.П. Скафтымова (Саратов, 5-7 октября, 2015 г.) : Коллективная монография / редкол.: В.В. Гульченко (отв.ред.) [и др.]. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2016. – С. 34.

мысль, нашедшую отражение и в пьесе, - «тоска по идее». Она звучит в последних словах Нины Заречной. Сближает эти произведения с «Чайкой» ещё и то, что жизнь, кажущаяся другим увлекательной и восхитительной, самим человеком воспринимается по-другому.

Компановка материала именно таким образом, видимо, представлялась А.П. Скафтымову более обоснованной. Аналитическая мысль исследователя, в соответствии с хронологией движения писательской мысли, выявляет накапливаемые художником наблюдения о специфическом «сложении жизни», которые, безусловно, в ранних произведениях представали в зародыше и, как отмечал учёный, с 1886 года стали основной творческой точкой зрения писателя. В её свете и явлены художником герои «Чайки».

Преодолевается определённая зависимость от материала: стадия его сбора, первичного рассмотрения завершена, возникает потребность подняться на следующую ступень, распорядиться аналитически выявленным. Исследовательская воля избирает проблемно-тематическую логику изучения «чайкинского» контекста. Рискнём предположить, что, с точки зрения А.П. Скафтымова, такая «система» позволила бы более явственно наметить точки соприкосновения прозаических и драматургических произведений, более чётко обозначить внутриконтекстные переключки и тем самым с максимальной полнотой и глубиной высветить концептуальную основу «Чайки».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Антона Павловича Чехова отличает особое отношение к человеку и его судьбе. Как это часто бывает с талантливыми людьми, проникновенный взгляд которых позволяет им увидеть и почувствовать то, что пока ещё незамечено другими, писатель оставался до конца не понятым своими современниками. Понадобилось несколько десятков лет после смерти Антона Чехова, чтобы приблизиться к пониманию его мировосприятия, мироотношения, мировоззрения.

В советские годы, во времена засилья идеологизации, скафтымовский взгляд на А.П. Чехова был не только новаторским, но и поистине смелым. Исследователь, принципиально избегая вульгарно-социологической оценки, подходит к рассмотрению чеховской драмы и прозы с другой стороны, излагает своё понимание чеховского мира. Его интересует эмоционально-психологический тонус персонажей, их скрытые душевные переживания и то, как они, накладываясь на ткань бытовой, повседневной жизни, влияют на ощущение человеком счастья. Благодаря такому особому фокусу исследований, А.П. Скафтымовым была открыта иная содержательная сторона духовного конфликта чеховских произведений – несоответствие действительной жизни, которой живёт человек, и той, какой бы он хотел жить и которая остаётся его несбыточной мечтой.

Итоговые размышления, отражённые в классических статьях учёного, как свидетельствуют его черновые рукописи, складывались на протяжении не менее двадцати лет. Ещё в самом начале своего ознакомления и погружения в творчество Антона Чехова исследователь обнаружил тесную взаимосвязь мотивов, тем и настроений между пьесами писателя и его прозаическими творениями. Размышления по этому поводу нашли своё отражение в статье «"Чайка" среди повестей и рассказов Чехова». Несмотря на разделённую на четыре группы и таким образом сформированную «систему» прозаического окружения «Чайки», их непосредственное родство не вызывает сомнений.

Мотивы одиночества, потребности в лучшей жизни, повседневная душевная неудовлетворённость, мысль о бесприютности, заброшенности

человека в мире, о разобщённости между людьми и о несбыточности светлых надежд, о невозможности счастья, поскольку таково «сложение жизни» - именно это, по мнению исследователя, пронизывает разнородные сюжеты чеховской прозы и расценивается им как специфически концептуальные приметы контекста, связующего эту прозу с мелиховской пьесой.

Аналитически осмыслить материал в его линейном развитии показалось исследователю недостаточным. Иное соположение произведений, превращение их в проблемно-тематическую «систему» позволяет, на наш взгляд, исследователю более обоснованно и полно показать обнаруженные им особые лирико-содержательные точки соприкосновения между прозаическими произведениями и драматургическим творчеством писателя, в частности с пьесой «Чайка».

Обращение А.П. Скафтымова к изучению прозаического окружения «Чайки» - этапному произведению на творческом пути Антона Чехова - сформировало собой новаторский подход к изучению творений не только писателя рубежа веков, но и всего литературного наследия в целом. А.П. Скафтымов смог рассмотреть и интуитивно угадать в самом начале своего знакомства с творчеством А.П. Чехова уникальную диалектику его драм и прозы, их тесную и непосредственную взаимосвязь. Таким образом, открытая А.П. Скафтымовым диалектика смыслов и настроений чеховских произведений стала поворотным этапом в истории исследовательской деятельности.

Скафтымов